

ИВКС
ТЯЖЕЛЫЙ СВЕТ КУРТЕЙНА
← Сунит →
ФРАИ

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс

Ф82 Тяжелый свет Куртейна. Синий / Макс Фрай. —
Москва: Издательство АСТ, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-17-112194-5

Это первая часть большой трилогии о людях, духах, котах, полицейских, ангелах, морях и трамваях города Вильнюса и его изнанки. Или же просто первый слог заклинания, при помощи которого можно открыть если не сияющие небеса, то как минимум путь в свой личный, вместе с раем утраченный миф. Как скажете, так и будет. Читателю решать.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-112194-5

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Sveti Jurij, to mas ključ,
Odpri nam nebesko luč!**

* Перевод: Святой Юрий, у тебя есть ключ. Отвори нам небесный свет! (*словенский*). Эту песню пели в деревнях словенской Нижней Штирии в честь Весеннего Юрьева дня.

Первый круг

Эва

Свернув во двор, Эва подумала каким-то усталым, обреченным, чужим, неизвестно откуда взявшимся в ее голове голосом: «Вот и все», — сама еще не понимая, что это значит, почему вдруг, какое такое «все». Потом увидела торчащую из жасминовых зарослей ногу в грязно-оранжевом резиновом тапке, и подумала — тоже устало и обреченно, но теперь уже точно сама: «А. Дядя Миша все-таки умер». После короткой паузы позволила себе добавить: «Наконец-то». Внимательно посмотрела на кусты, внесла корректировку: «Не умер, а умирает. Очень скоро, вот-вот умрет».

Достала из кармана телефон, набрала сто двенадцать, потому что, елки, как ни крути, можешь сколько угодно считать это бессмысленным издевательством, неуважением к таинству смерти, профанацией, суетой, но вызвать скорую — твоя человеческая обязанность. А человеческие обязанности следует выполнять.

Скорую дяде Мише, тихому, дряхлому дворовому бомжу с багровым лицом и вечно слезящимися глазами, удивительно светлыми, почти белыми, как застиранные простыни, Эва вызывала уже в четвертый раз; на самом деле удивительно, что не гораздо чаще, что бедняга вообще каким-то немислимым образом, неизвестно зачем дожил до сегодняшнего дня. С жизнью его связывало исчезающе мало, и эти связи были так же непрочны, необя-

зательны, ненадежны, как его прерывистое дыхание — имя, усталость, смутная тоска по ласке, робость, ненависть к громким звукам, зачем-то застрявшая в памяти детская песенка про улыбку, зрение, ставшее источником бесконечных страданий от яркого света, способность ощущать жажду, боль, сладкий вкус и тепло. Но до сих пор этой малости оказывалось достаточно, чтобы удерживать дядю Мишу в мире живых, человек — не только обескураживающе хрупкая, но и очень живучая тварь.

Сообщив оператору скорой адрес и коротко обрисовав ситуацию: «Пожилой мужчина, бездомный, лежит без сознания; нет, он не пьян, то есть не только пьян; нет, я просто живу в этом дворе; нет, я не считаю обычной ситуацию, когда бездомный человек лежит на земле без сознания; да, конечно, я дождусь врачей, никуда не уйду», — Эва спрятала телефон в карман. Сказала себе: «Они вряд ли будут спешить, так что у тебя есть минимум четверть часа, а скорее почти половина, соберись, давай», — и пошла к этим проклятым жасминовым кустам; ну то есть нет, почему сразу «проклятым». К цветущим, благоуханным, великолепным жасминовым зарослям, извините меня, уважаемые кусты, вам и так несладко, к вам пришел умирать дядя Миша, он сам так решил, вы не выбирали стать местом его долгожданной страшной кончины, за что вас ругать.

Эва всегда боялась; нет, не так, не боялась, просто очень не хотела и одновременно совершенно точно, со спокойной пророческой обреченностью знала, что именно так и будет, что однажды чертов дядя Миша умрет у нее руках, пока она будет ждать скорую помощь, потому что просто пройти мимо умирающего нельзя, и остаться с ним рядом тоже нельзя, но все-таки придется остаться. «Я не справлюсь, — думала она, — с дядей Мишей точно не справлюсь, его же уже почти нет, и что тогда будет? Скорее всего, ничего не будет, то есть вообще ничего». Сама понимала, как это глупо — что значит «ничего не

будет»? Как это — вот прямо совсем-совсем ничего? Из-за одного умирающего дяди Миши? И куда, интересно, все денется? Даже не смешно.

Конечно, не смешно. Не смешно, а страшно.

Страх ее был беспредельно велик и одновременно ничтожно мал, несопоставим со всем остальным — бирюзовой июньской ночью, смешавшейся с ароматом цветущего жасмина невыносимой вонью больного, годами немытого тела, явственным присутствием смерти, которое больше всего похоже на отсутствие света, вернее какой-то хитрой тайной части спектра, невидимой глазу, но ощущаемой всем остальным существом. Совершенно неважно, страшно тебе или не страшно, когда все уже происходит — с тобой, здесь, прямо сейчас, и ты знаешь, что с этим делать. А если даже не знаешь, все равно делаешь, потому что иначе нельзя.

Опустилась на колени в полуметре от ног умирающего; к счастью, этого оказалось достаточно, ближе можно было не подходить. Некоторое время внимательно на него смотрела; ну, то есть как — на него. Просто в темноту жасминовых зарослей, где он лежал. Не обязательно видеть лицо, достаточно вспомнить воспаленную рыхлую кожу, почти безгубый ввалившийся рот и эти его невыносимо светлые, вечно плачущие глаза — как же все-таки хорошо, что у дяди Миши такие необычные глаза, от этого можно плясать; собственно, нужно плясать, с самого начала это знала, просто не знала, что знает, так часто бывает, почти всегда.

Сосредоточилась на ощущениях в макушке, сразу ощутила знакомый звенящий зуд — это хорошо, это правильно, значит я на месте, и дядя Миша на месте, и моя жизнь, и его — наша с ним его смерть. Заговорила вслух, но почти беззвучно, представляя, как слова выходят из ее головы и вонзаются в дяди Мишину, проделывая в его темени большую, глубокую, рваную — нет времени церемониться — дыру.

— Ты явился сюда сияющий, великолепный, юный, слишком юный для такой опасной, трудной игры. Старшие забавлялись: прыгали в людскую жизнь, как в пропасть, чтобы потом взлететь, подняться, восстать со дна, и ты захотел поступить, как они. Прыгнул и увяз, не справился с сокрушительной силой, которая гасит наш вечный свет. Но теперь это позади, радуйся, лучезарный! Вспомни скорее, каким ты был — многоликим, веселым, блистательным, светлым, ты часто смеялся, и от твоего смеха во всех небесах всех Вселенных загорались праздничные огни. Теперь ты снова такой — веселый, блистательный, светлый, таким пришел сюда, таким и уйдешь, уже уходишь, спеши, возвращайся к себе. Спасибо, что осветил нашу жизнь своим присутствием. Но впредь будь осторожен, не прыгай в пропасть за старшими, больше так не шали.

Последнюю фразу сказала уже для себя, просто так, чтобы немного поднять настроение, потому что сияющий, великолепный, чем бы он ни был, ушел. А оставшийся от него дядя Миша умер. И одновременно исчез исходивший от него жуткий запах мочи, гниения и перегара, хотя где это видано, чтобы смерть отменяла телесную вонь. Она только дополнительной добавляет, отсыпает щедрой рукой; впрочем, еще наверняка добавит, успеется, не в первый же миг. А пока в мире, откуда ушел дядя Миша, пахло только цветущим жасмином, свежей травой, разогретой землей, жареной картошкой и луком из распахнутых настежь кухонных окон, выхлопными газами с проезжей части и теплым морем, как это часто случается летними ночами, хотя до ближайшего моря отсюда триста с лишним километров, и теплым его при всем желании не назовешь. А еще почему-то горьким дымом костра и сладкими прелыми листьями, словно бы из будущей осени, пока настолько далекой, что невозможно было не только в нее поверить, но даже вообразить.

...Эва поднялась на ноги, удивляясь, как все оказалось легко. Гораздо легче, чем представляла. Легче, чем было до сих пор. Надо же. Никогда не угадаешь, с кем тебе повезет.

Обернулась, без особой надежды высматривая скорую помощь. Вряд ли они так быстро приедут, но чего только не бывает — вдруг? И увидела, что совсем рядом, буквально в нескольких шагах от нее стоит высокий мужчина в длинном, совсем не летнем с виду пальто. И в темных очках — это ночью-то! — как из шпионского фильма. Но, несмотря на очки, понятно, что он очень внимательно глядит на нее.

Спросила: «Вы врач?» — хотя и так ясно, что нет, какой из него врач, в этом темном, тяжелом пальто и дурацких очках. Но надо же хоть как-то отреагировать на присутствие любопытного незнакомца. Глупо просто стоять и молчать.

После долгой, показавшейся вечностью паузы он ответил:

— Врач из меня, как из козы пианистка, — и, достав из кармана пальто блестящий черный портсигар, предложил: — Сигарету хотите?

У Эвы в сумке были свои, но она почему-то сказала: «Давайте». И не прогадала, сигареты у незнакомца оказались отличные. Очень хороший, мягкий, в меру ароматный табак. Хотела спросить: «Что вы такое интересное курите и, самое главное, где покупаете? Мне тоже надо», — но не успела, потому что незнакомец сказал:

— Рад, что вам нравится. Люблю курящих людей. Говорят, курение — серьезное жреческое занятие, приношение высшим духам; может, и правда так? Это бы многое объяснило! Но вы и без курения очень круты. Если бы не некоторые личные обстоятельства, я бы и сам был не прочь оказаться на месте этого мертвеца, так вы его хорошо проводили. В такие интересные далекие края.

Эва опешила. Господи, он что, получается, слышал? Всю эту чушь, которую я несла?!

— А самое поразительное, — добавил незнакомец, — что вы, как говорят в таких случаях, не профессионал. Не ангел смерти, не дух, не волшебный помощник, не, упаси боже, святая, не прилежная ученица невесть откуда взявшегося чародея, не йог, практикующий тайные ритуалы в каком-нибудь модном кружке. Даже не представляю, где вы научились своим приемам, но ведете себя, как вдохновенный художник. Как будто у вас вот такой проект для частной галереи господ бога, в которого вы даже не особенно верите, скорее надеетесь, что если всю жизнь на него волонтерить, он все-таки откуда-нибудь появится, не может же быть, что все зря. Правильный ход рассуждений, я тоже примерно так думаю. И из сходных соображений регулярно выкидываю что-нибудь интересное — в меру своих скромных сил. Но такого, как вы творите, я не только сам не устраивал, а даже ни разу не видел на этой прекрасной земле.

— Не перегибайте палку, — невольно улыбнулась Эва. — Я бы даже хотела, чтобы ваши слова были правдой, но это не так. «Художественный проект» существует только в вашем воображении, я тут ни при чем. Я просто пыталась напоследок утешить беднягу, насколько это возможно. Очень страшная участь — вот так умереть. Все умирают в одиночестве, но «в одиночестве» это обычно означает «наедине с собой». А у него и себя-то уже давным-давно не было. Почти ничего не осталось, все куда-то ушло, пропало, не зря о таких говорят: «пропащий человек». Поэтому я с ним разговаривала. Говорила все, что придет в голову, лишь бы не молчать. Думаю, дядя Миша был без сознания, но если вдруг все-таки нет... Я бы на его месте хотела, чтобы кто-то был рядом и — например, рассказывал сказку о том, какая я на самом деле хорошая девочка, ничего страшного не происходит, будут еще другие интересные игры, а сейчас пора возвращать-

ся домой. Хотя бы потому, что у человека две смерти, вы знаете?

Незнакомец неопределенно мотнул головой. Не то «да, конечно», не то «я вас не понимаю», не то «очень интересно, продолжайте пожалуйста». Все что угодно может означать такой жест.

— Первая смерть — хорошая, — сказала Эва. — Совершенно точно не враг и не беда. Просто сила, которая распахивает дверь перед сознанием: есть игра, всем спасибо, все свободны, иди теперь, куда хочешь, то есть куда сможешь уйти. А вот вторая — очень страшная. Эта смерть приходит за телом и включает в нем такие жуткие, с человеческой точки зрения, процессы, что я даже говорить о них не хочу, особенно сейчас, когда все это как раз начинает происходить прямо здесь, совсем рядом. Люди не зря так боятся покойников и всего, что с ними связано — чувствуют эту вторую смерть, которая кого хочешь с ума сведет, если подпустить ее слишком близко. Поэтому самое лучшее, что может случиться с умирающим, — так увлечься первой смертью, чтобы не заметить вторую. Это, конечно, мало кому удастся. Но если быть рядом и рассказывать что-нибудь очень хорошее, переводить сладкие обещания чудесной будущности с языка молчания ангелов смерти на язык человеческой болтовни, можно помочь умирающему уйти спокойно, без ужаса и отвращения, так и не встретившись с жутью, уже поселившейся в нем. Ну вот, что-то такое условно утешительное я и рассказывала дяде Мише, отвлекала его, как могла. В общем, не особо великий проект. Господа Бога этим точно не удивишь. Если он есть, то еще и не такого на своем бесконечном веку увидался. А если нет, то и удивлять некого.

— А я что, не в счет? — усмехнулся тип в пальто. — Уж меня-то вы здорово удивили. И я вам за это сейчас отомщу.

Подобное обещание в устах рослого, плечистого незнакомца звучит как-то не очень, особенно ночью, в со-

вершено пустом дворе. Но Эва не успела испугаться и вообще хоть как-нибудь отреагировать, потому что он снял свои дурацкие шпионские очки, и его глаза полыхнули зеленым огнем, да таким ярким, что Эва то ли на миг ослепла, то ли просто невольно зажмурилась, а когда зрение вернулось, рядом уже никого не было. Только голос, такой тихий, что вполне можно счесть его одной из собственных мыслей, удовлетворенно произнес: «Теперь мы квиты. Я вас никогда не забуду, но и вы не сможете меня забыть».

— Очень умно, — сердито сказала Эва. Хотела еще что-нибудь язвительное добавить, поскольку была твердо убеждена, что ссориться с галлюцинациями гораздо полезней для психического здоровья, чем их бояться, но благоразумно заткнулась, увидев, что двор озарился светом фар въезжающего под арку автомобиля скорой помощи. Не надо добавлять санитарам проблем.

«А все-таки сигарета у этой галлюцинации была отличная, — подумала она, с сожалением отправляя окурочек в щель канализационного люка. — Жалко, не успела спросить, где такое берут».

Потом, совсем уже ночью, после долгого, бестолкового заполнения полицейского протокола, по большому счету не нужного ни единой живой душе, но совершенно неизбежного — такого же ненужного и неизбежного, как дяди Мишины жизнь и смерть, — после горячего душа и крепкого чая с лимоном и ромом, о котором мечтала с того момента, как увидела ногу в тапке, торчащую из кустов, Эва стояла на балконе и смотрела с высоты своего пятого этажа, как далеко за рекой разгораются яркие синие огни на каком-то офисном здании — то ли реклама неизвестно чего, то ли просто украшение фасада, честно говоря, довольно сомнительное, на этот душераздирающий ультрамаринный свет даже издали больно смотреть, а вблизи,

наверное, совершенно невыносимо, хорошо хоть включают его не каждый день.

Впрочем, далекие синие огни раздражали Эву только умозрительно, на практике же они ее парадоксальным образом успокаивали, примиряли — если не с жизнью в целом, то как минимум с самими собой. А сейчас синий свет за рекой почему-то показался ей каким-то тайным небесным приветом, дополнительным подтверждением, что все было не зря, включая галлюцинацию с сигаретами. Возможно даже, начиная с галлюцинации, она определенно удалась.

На самом деле, — думала Эва, — даже жалко, что он просто примерещился. Лучше бы был настоящий, не сверкал глазами, как монстр из кино, и не исчезал так быстро, потому что, господи, какое же, оказывается, счастье, просто стоять рядом с кем-то, кто знает о тебе самое главное, и болтать с ним по-дружески — в идеале, конечно, не об одиноких покойниках, которых следует по мере сил отвлекать от встречи со страшной телесной смертью, а о каких-нибудь более приятных вещах. Но ладно, если ему интересно, можно и о покойниках. Для начала. А там как пойдет.

Я

У всех бывают плохие дни, и я в этом смысле не исключение. Ладно; на самом деле мои плохие дни как раз вполне ничего. Гораздо хуже те, о которых, когда они наступают, я думаю: «Черт с ним, как-нибудь переживу, все будет отлично», — вот это действительно ужас крошечный, потому что в такие моменты я обычно даже не помню, в лучшем случае, очень смутно догадываюсь, что именно в моем случае означает это самое «все».

Но сегодня у меня выдался просто рядовой плохой день, один из тех нервных, бестолковых и беспокойных,